

БРАТЬЯ А. Салуцкий БОБРОВЫ

Писатель Анатолий САЛУЦКИЙ работает над книгой о выдающемся советском футболисте и хоккеисте Всеволоде Боброве. Сегодня мы начинаем публиковать в сокращении одну из глав этой книги, в которой речь идет о судьбах братьев Бобровых — Всеволода и Владимира.

БОБРОВЫ — тверские.

В 1906 году из тверской деревни Полубратово по уже проторенной земляками дороге пришел в Петербург, на Путиловский завод 15-летний Михаил Бобров. Был он парнем физически сильным, дельным, смекалистым и потому сразу окунулся в ту новизну жизни, которую распахнул перед ним большой город.

А нового было много.

После кровавой расправы над участниками революции 1905 года путиловцы не переставали бурлить. Михаил Бобров, быстро овладевший сложной профессией разметчика, не раз принимал участие в забастовках, хорошо знал будущего «всесоюзного старосту» М. И. Калинина. Однажды Боброва без суда и следствия бросили в тюрьму. И хотя просидел он в ней недолго — всего-то полмесяца, однако вышел из сырой, холодной камеры с туберкулезом, который в конечном итоге заставил семью Бобровых в 1919 году переселиться в более подходящий для здоровья климат — в Подмоскovie в Пушкино.

Новым был и спорт. Михаил Бобров начал играть в футбол в команде, которую возглавлял известный петербургский футболист Воног, впоследствии один из первых советских футбольных арбитров. А увидев хоккей, Бобров сразу встал на коньки, обзавелся клюшкой и увлекся этой игрой. Еще до первой мировой войны в составе путиловской рабочей команды он ездил на товарищеские матчи в Хельсинки и привез домой лучшие по тем временам стальные коньки знаменитой норвежской фирмы «Хааген», которые в России считались большой редкостью и были известны в народе под названием «гаги».

Эти коньки сыграли особую роль в жизни Михаила Андреевича Боброва и двух его сыновей — Владимира и Всеволода. Дело не только в том, что дети учились играть в хоккей на отцовских «гагах». Их блестящее хоккейное искусство было предопределено гораздо раньше — зимой 1912 года, когда путиловский рабочий Михаил Бобров познакомился со своей будущей женой Лидией Ермолаевой.

Знакомство состоялось... на катке в Таврическом саду. Поэтому совершенно необыкновенную, неизъяснимую, всепоглощающую страсть к катанию на коньках, которая обнаружилась у Володи и Севы уже в пятилетнем возрасте, с полным основанием можно считать наследственной.

Ермолаевы — гатчинские.

Лидия Дмитриевна Ермолаева родилась в Гатчине, под Ленинградом, рядом со знаменитым аэродромом, где протекало «детство» русской авиации, где совершали полеты первые русские летчики. Ее родной брат Михаил Ермолаев — «дядя Миша», как всегда называл его Всеволод Бобров, был известным пилотом гатчинской эпохи, он, как говорится, из одной тарелки щи хлебал с самим штабс-капитаном Петром Нестеровым — родоначальником «мертвой петли» и воздушного тарана, первым в мире летчиком-истребителем. В годы гражданской войны Михаил Ермолаев угнал из белогвардейского тыла самолет, за что одним из первых был награжден орденом Красного Знамени.

В период знакомства с Михаилом Бобровым Лидия Ермолаева работала ученицей в магазине художественной вышивки на Невском проспекте; под началом мастерицы-итальянки расшивала абажуры. Однако свадьбу пришлось отложить на два года — Лидия лучше всех окончила петербургские курсы вышивальщиц и ее направили учиться во Францию; в парижскую школу художественной вышивки и шитья.

В разгар петроградских революционных событий 1917 года в семье Бобровых родилась дочь Антонина. Сын Володя родился в 1920 году, когда Бобровы жили в подмосковном Пушкино у Михаила Ермолаева. А двумя годами позднее в старинном городе Моршанске появился на свет Всеволод Бобров.

В голодном 1921 году большевика Михаила Андреевича Боброва направили в Тамбовскую губернию — уполномоченным по заготовке продовольствия для московских рабочих. Семья поселилась в селе Островка, в бывшей помещичьей усадьбе, где размещались правление местной сельхозкоммуну и заготконтора. Однажды Бобров уехал по делам в уездный центр Сасово. Как раз в этот день на Островку налетела одна из банд атамана Антонова.

Волна всадников в невообразимо пестрых одеяниях и головных уборах — от фуражки до чалмы — внезапно накатилась на село. В одной из тачанок на богатых коврах сидела нога на ногу женщина в военном кителе, она и повелевала. Этот разбойный сброд сразу ринулся к помещичьей усадьбе.

Было время обеда. На первом этаже в своей комнатке пили чай бухгалтер с женой — их застрелили прямо через окно. Денежные купюры в то инфляционное время обесценились до нельзя, счет шел на миллионы, поэтому в конторе стояли не сейфы, а большие книжные шкафы, туго набитые тысячами ассигнаций — для расплаты с крестьянами за продовольствие. Добыча показалась бандитам крупной: они мешками таскали деньги в тачанки.

Между тем буйная, разбойная антоновщина заканчивалась: по пятам конных банд неотступно двигались отряды регулярной Красной Армии. Времени у налетчиков было в обрез. Все же они решили осмотреть второй этаж и увидели там беременную женщину с маленьким ребенком на руках, за ее подол держалась пятилетняя девочка. В суматохе бандиты не разобрались, что это жена большевика-уполномоченного, выгнали ее на улицу, подожгли усадьбу и умчались.

Таким образом, судьба впервые смилостивилась над Всеволодом Бобровым еще до его появления на свет. Это обстоятельство представляется весьма примечательным по той причине, что впоследствии было много, непомерно много случаев, когда жизни Всеволода Боброва угрожали нелепые опасности. Однако всякий раз и всегда в самый последний момент судьба оказывалась благосклонной к нему.

(Продолжение следует).

ПОСЛЕ трагедии в селе Островка Бобровы переселились в Моршанск. Там, в старинном рубленом доме на берегу реки Цны, 1 декабря 1922 года и родился Всеволод Бобров, родился с печатью того голодного и трудного времени — очень слабым, тщедушным и болезненным. Зима уже вступила в свои права, дров не было, круглые железные печи топили дефицитными брикетами сена. Родителей не покидала тревога за жизнь новорожденного — в 1919 году в возрасте шести месяцев у Бобровых умер сын Виктор. Мучительные воспоминания об этом заставляли маму буквально дышать над Севой: его укутали в вату и держали в небольшой картонной коробке из-под кукол — обычно так хранят хрупкие елочные украшения.

К весне Бобровы завели корову. На молоке дети окрепли, а отцу удалось излечиться от туберкулеза. К новому 1924 году семья вернулась под Ленинград, в Гатчину. А вскоре случился страшный пожар в доме при маленькой электростанции в Тайцах, где отец работал электриком и где в служебном помещении поселились Бобровы. Здесь Сева опять уцелел чудом: ему было год и два месяца, и в поднявшейся невероятной панике, в удушающем дыму, на ощупь маме с огромным трудом удалось отыскать малыша и вынести его из огня.

Едва Лидия Дмитриевна отбежала шагов на десять от полыхавшего дома, как позади затрещали стропила, и рухнувшая крыша погребла под собой остатки строения.

Наконец в 1925 году семья переехала в Сестрорецк. С этого момента Всеволода неотступно и беззаветно стал оберегать его брат Владимир. Но это не было просто опекой старшего над младшим. Обстоятельства порой складывались так, что Володе приходилось спасать Севу с риском для собственной жизни.

В семье Бобровых как-то само собой установилось, что Всеволод был любимцем мамы, а Володя — папиным сыном. Всеволод весь пошел в маму — и внешностью, и характером: добрый, мягкий, с впечатлительной натурой. Володя отличался отцовским логическим складом ума, подтянутостью, самодисциплиной. А старшая сестра Тося, сочетая родительские черты, вдобавок была очень категоричной, принципиальной.

Но лидерство среди детей безусловно и безраздельно принадлежало Володе.

В Сестрорецке у него было прозвище «Голова». Спокойный, целеустремленный, очень основательный, Володя хорошо учился, много читал, и ребята слушались его беспрекословно. Он, и только он был капитаном всех сестрорецких футбольных и хоккейных команд, в которых приходилось играть братьям Бобровым. Он требовал дисциплины на поле, а также опрятного внешнего вида. Удивительно, в середине тридцатых годов сборная сестрорецкой школы № 2, возглавляемая Владимиром Бобровым, выходила на лед в спортивной форме, элегантности которой могли бы позавидовать современные юные хоккеисты: в гольфах, в белых рубашках и в галстучках под зелеными пуловерами с открытым воротом.

Особенно много внимания Володя уделял младшему брату. Отец с утра до вечера работал и проводил с детьми только выходные. А Володя каждый день играл с маленьким Севой в футбол или в хоккей, обучая его всему, что умел сам. Бобровы жили в старом арсенале петровских времен, переоборудованном в пятиэтажный жилой дом. На глухой торцевой кирпичной стене здания Володя начертил мелом футбольные ворота в натуральную величину и нарисовал в них «девятки» и «шестерки» диаметром с футбольный мяч. Сам Володя, а под его руководством и Сева часами били в эти «девятки» и «шестерки», отрабатывая удары.

Сестрорецк двадцатых — тридцатых годов представлял собой своеобразную «высокоразвитую спортивную цивилизацию». В этом небольшом пограничном городке занятия спортом были не забавой и не доблестью, а такой же обязательной повседневностью, как работа или учеба. Даже новогодние праздники многие, в том числе Бобровы, отмечали здесь не за столом, а на льду — катаясь вокруг нарядной елки в городском саду. Тех, кто не увлекался спортом, чуть ли не презирали. Здесь были десятки хоккейных и футбольных династий: Викторовы, Бобровы, Шавыкины, Кузьмины, конечно, Худяковы, старший из которых Лев, в силу возраста и занятости сам не игравший в мяч, всемерно содействовал развитию спорта. А возможности для этого у него имелись немалые — он был директором завода имени С. П. Воскова.

Володю Боброва все уважали за аккуратность, культурное обращение и рассудительность. Взрослые понимали, что Володя сильно отличается от тех ребят, которые неважно, с натугой учились и которых — пусть условно — можно было отнести к категории озорных. Однако эти положительные качества старшего из Бобровых лишь потому имели ценность в глазах окружающих, что Володя лучше всех своих сверстников играл в футбол и в хоккей.

Много позже Всеволод Бобров в своей книге «Самый интересный матч» так писал о старшем брате: «Должен сказать, что он и в футбол, и в хоккей играл намного лучше меня. Он отличался точными ударами по воротам, комбинационным талантом. Он «выдавал» такие мячи, что не забивать их было просто невозможно. Я не сомневаюсь, что при удачно сложившихся обстоятельствах он стал бы яркой звездой в нашем спорте».

Играть «намного лучше» Всеволода Боброва... Даже трудно представить такого игрока. А между тем оценка младшего брата вряд ли была преувеличенной, она совпадает с другими мнениями. В 1936 году на стадионе «Красная заря» — это на Выборгской стороне — после одного из футбольных матчей с участием Владимира Боброва знаменитый Валентин Федоров, игрок ленинградского «Динамо» и сборной РСФСР, во всеуслышание сказал о Володе:

— Когда этот парень подрастет, он будет классным игроком. Очень классным. Намного лучше меня.

Опять — «намного лучше меня».

В те годы в свои шестнадцать лет Владимир Бобров был высоким стройным юношей. По свидетельству очевидцев, он сразу обращал на себя внимание необычайно элегантной, красивой и рациональной манерой игры. Это не было стремлением произвести эффект на публику, а отражало его общий стиль, незаурядность натуры. Он был виднее, заметнее сверстников не только на футбольном или хоккейном поле, но и в жизни тоже. Одним из очень немногих сестрорецких ребят он окончил десятилетку почти на отлично — например, Всеволод, которому учеба давалась труднее, после семилетки пошел учиться в школу ФЗО при заводе имени Воскова. До войны Володя не курил, хотя это баловство было в ту пору повальным среди подростков.

После того как Володю первым из сестрорецких парней пригласили в команду ленинградского «Динамо», никто уже не сомневался в том, что его ждет выдающееся спортивное будущее.

(Продолжение. Начало см. в номере от 21 августа с. г.).

КОГДА наступала зима, мальчишки начинали хоккейные сражения на «бочаге». Об этой знаменитой сестрорецкой «бочаге», где прошло спортивное детство Всеволода Боброва, написано уже немало. Однако никто не разъяснил смысла этого странного слова. А между тем его происхождение имеет не только познавательную ценность, но проливает свет на причины одного трагического события, происшедшего на льду «бочаги».

«Бочага» — это чухонское название непроточного озера. Вода сюда стекает, однако не вытекает — частично испаряется, частично фильтруется через песок. В Сестрорецке «бочагу» иногда использовали для сброса отработанной воды с завода имени Воскова. Хотя предприятие числилось инструментальным, здесь был большой металлургический цех: Сестрорецкий завод — это старый петровский оружейный завод, один из самых первых в России, предтеча тульских. А при наличии металлургического цикла водяные сбросы могут быть теплыми. Особенно это сказывалось в начале зимы, когда «бочага» только-только начинала замерзать.

Но юным хоккеистам не терпелось поскорее встать на коньки, они то и дело пробовали лед. И однажды декабрьским вечером 1933 года, убедившись в его прочности, братья Бобровы и Томилины первыми из сестрорецких ребят решили открыть хоккейный сезон на «бочаге». Они не знали, что завод только что произвел очередной сброс теплой воды. Неокрепший еще лед подтаял и треснул, каток разбился на отдельные льдины. Четверо мальчишек провалились в большие полыньи.

Первым выбрался Володя. И сразу бросился на помощь младшему брату, который, выбиваясь из сил, карабкался на крошившийся лед. Лежа на животе, Володя пытался схватить тонувшего, но когда ему удалось вытащить Севу из воды, тот был уже без сознания. В это время на крики о помощи прибежали взрослые и в таком же бессознательном состоянии вытаскивали из полыньи Володю и Витю Томилиных.

Откачивать ребят стали здесь же, на берегу «бочаги». Томилиных откачать не удалось. А Сева все-таки очнулся, через рот пошла вода, он начал дышать, и его отнесли домой.

На следующий день болезненный, слабенький одиннадцатилетний Севка как ни в чем не бывало бегал по морозцу.

А Володя слег с двусторонним воспалением легких и с воспалением лимфатических узлов. На теле начала слезать кожа. Отец привез из Ленинграда известного в то время врача С. И. Трухина, и тот велел с головы до ног мазать тринадцатилетнего мальчишку какой-то мазью... Всю зиму пролежал в постели старший брат, экстерном сдавал экзамены. И летом 1934 года тоже не мог заниматься спортом, все еще вынужден был набираться сил: загорал на пляжах Финского залива — всего-то километр от дома. А для футбола здоровья не хватало. Правда, впоследствии у Владимира Боброва легкие никогда не болели. И вообще физически он был очень крепок, закален: в армии по пояс обтирался снегом, купался до глубокой осени.

А через несколько лет Владимиру снова пришлось выручать младшего брата из беды.

Среди детских хоккейных матчей, которые проходили в Сестрорецке, не все были официальными: иногда шли длительные, упорные сражения с парнями из соседних поселков и городков. И после одной из таких хоккейных баталий вспыхнула драка. Объектом нападения стал маленький, юркий Севка, который в тот раз доставил соперникам особенно много хлопот своим неудержимым дриблингом. Но добро, если бы дело ограничилось легкой кулачной потасовкой — чего не бывает меж ребят. Однако команда гостей не отличалась такой дисциплинированностью, как сестрорецкие хоккеисты, парни там были разные... Кто-то ударил Севу по лицу доской с гвоздем. Володя увидел, как младший брат залился кровью, увидел, что один из нападающих достал распространенный в ту пору финский нож, — и ринулся на защиту.

Ссадина у Севы оказалась пустяковой, хотя до конца жизни он носил между бровей маленький шрам — память о том случае.

А Володю с ножевым ранением доставили в больницу.

В 1938 году братья Бобровы были уже хорошо известными в Ленинграде футболистами и хоккеистами. Оба они выступали за клуб ленинградского «Динамо», затем на год вернулись в команду завода имени Воскова — очень сильную, однажды на равных, со счетом 3:3 сыгравшую в хоккей даже с мастерами из «Динамо». Валентин Федоров, положивший глаз на Бобровых, предвидел их большое спортивное будущее, особенно в отношении Владимира, физически очень сильного, выносливого, способного принимать неожиданные и самые рациональные решения.

Между тем, Михаил Андреевич Бобров «на старости лет» — в тридцать два года — пошел учиться и закончил сначала промакадемию, а затем Ленинградский станкостроительный институт. Его направили на строящийся в ту пору Сталинградский тракторный — монтировать оборудование. По возвращении он работал на ленинградских заводах. За ним потянулся Всеволод, сразу занявший достойное место в заводских футбольно-хоккейных командах. Правда, футбол он недолюбливал, отец чуть ли не силой заставлял его играть летом. Но, возможно, эта первоначальная неприязнь к футболу шла от физической немощи.

Поразительно, у высокого, статного и мощного Всеволода Боброва, каким его знал весь футбольно-хоккейный мир, в сестрорецком детстве была кличка — «козявка». Он был низкорослым и тщедушным, хотя очень подвижным и пластичным. Люди, которые имеют возможность сравнивать, утверждают, что сын Всеволода Боброва Миша в возрасте десяти—четырнадцати лет являл собой абсолютную копию отца середины тридцатых годов.

Но Всеволод с детства отличался особым умением вести мяч, а также изумительным даром верно выбирать позицию для завершающего удара. Поэтому его ставили играть за команды старших возрастов. И в футболе «козявке» было трудно, не хватало сил. А в хоккее выручали коньки, на которых Сева катался легко и виртуозно.

Итак, до 1938 года братья вместе, мощным тандемом входили в спорт. Впереди, прокладывая дорогу своей не по годам взрослой, зрелой игрой, двигался Владимир: он создавал в Ленинграде славу фамилии Бобровых. За ним следовал маленький Всеволод, заставлявший знатоков спорта удивляться его мастерству и вспоминать дебют Пеки Дементьева.

Однако в 1938 году судьбы братьев впервые начали расходиться. Владимир закончил десятилетку, и его призвали в армию. Служил он недалеко от дома — в Красном Селе, окончил курсы младших командиров, и его направили в артиллерийское зенитное училище имени Баранова — под Ленинградом. Он действительно весь пошел в отца, выбрал инженерную профессию и стал поистине уникальным курсантом: одновременно с учебой в артиллерийском училище поступил в Ленинградский механический институт. Он любил электротехнику, оптику, а больше всего — сложную теоретическую баллистику. Но даже совмещая занятия в военном училище с заочной учебой в институте, Владимир умудрялся очень много играть в футбол и в хоккей.

Из училища Владимира охотно отпускали на матчи: в нем видели восходящую спортивную звезду. И в спорте его начинали уважать все больше и больше: в то время очень немногие спортсмены могли похвастать учебой в институте.

(Продолжение. Начало см. в номерах от 21 и 22 августа с. г.)

...22 ИЮНЯ 1941 года курсанты находились в летних лагерях в Красном Селе. В то воскресный день должен был состояться спортивный праздник. Но в семь утра прозвучала боевая тревога, и через два часа курсанты снялись с лагеря. В первых числах июля Владимир уже принял боевое крещение под Кингисеппом.

А Всеволода в армию не взяли. В ту пору существовало такое правило: после окончания десятилетки на воинскую службу призывали в восемнадцать лет, а того, кто десятилетку не окончил, кто работал на заводе, призывали в возрасте двадцати лет. Между тем, в 1941 году слесарю-инструментальщику Всеволоду Боброву было лишь девятнадцать.

Таким образом, судьбы братьев продолжали расходиться. Младший брат оказался в зауральском городе Омске, а старший — на фронте, на передовой.

Завод в Омске разместился примерно в пяти километрах от города на территории СИБАКА — так сокращенно именовалась Сибирская сельхозакадемия. Там же поселились эвакуированные ленинградцы. Работали сутками: монтировали на новом месте оборудование, осваивали выпуск изделий для фронта.

Но даже в эти первые месяцы войны спорт не был забыт. В начале зимы в Москве состоялись три хоккейных матча. Об их проведении было объявлено заранее, однако в назначенный день матчи перенесли в другие места — на Патриаршие пруды, на Чистые и на пруд около Новодевичьего монастыря. Это сделали умышленно, чтобы избежать скопления зрителей, потому что Москва подвергалась воздушным бомбардировкам. Короче говоря, на матчах болельщиков практически не было. Зато репортажи транслировались по Всесоюзному радио — в этом и состоял главный смысл хоккейных состязаний. Они должны были продемонстрировать всей стране, всем бойцам и партизанам, что жизнь в столице идет нормально, ибо спорт всегда, а в годы войны особенно, был добрым символом: если в Москве проходят хоккейные матчи — значит, все в порядке!

Спорт работал и непосредственно на оборону. Индустриальный Урал начал выпускать не только танки, но также сотни тысяч пар лыж для оснащения лыжных батальонов — экстренный выпуск этого спортивного инвентаря, превращенного в боевое снаряжение, по указанию правительства налаживал тогдашний председатель Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта Василий Снегов, командированный для этого в Свердловск. Впрочем, к этой огромной и важной работе вскоре присоединился весь аппарат Спорткомитета, доставленный в Свердловск на одной из подмосковных электричек — вагонов дальнего следования и теплушек не хватало, поэтому к паровозу прицепили электричку. В столице оставался лишь зампред Константин Андрианов, в числе прочего занимавшийся и организацией хоккейных матчей на московских прудах.

К середине ноября первый, самый срочный заказ на лыжи был выполнен. Никто, правда, не догадывался, что этот спортивный инвентарь был необходим для зимнего контрнаступления советских войск под Москвой, об этом тогда знала лишь Ставка Верховного Главнокомандования.

В Омске, как во всех уральских и сибирских городах, куда эвакуировали заводы из центра России, с Украины, сразу же возобновились спортивные соревнования, в первую очередь, конечно, футбольные и хоккейные матчи — как наиболее зрелищные и любимые народом игры. Потому что спорт нужен был не только и не столько самим играющим, сколько миллионнам болельщиков — пожалуй, как единственная возможность как-то отвлечься от тягот военного времени.

Впрочем, до первой военной зимы Всеволод Бобров на стадион почти не ходил — по-настоящему он начал в Омске с хоккея. И сразу произвел сенсацию, по городу ходили разговоры: «Слышали, в команде «Прогресс» паренек есть — Бобров? Играет бесподобно!» И действительно, после команды мастеров ленинградского «Динамо», где Всеволод играл в предвоенном сезоне, на омском уровне он творил чудеса: подъезжал к своим воротам, просил мяч у голкипера — и начиналось! В одиночку он обводил пять, шесть, а иногда и семь соперников, прорывался к чужим воротам, «укладывал» на лед бросавшегося навстречу вратаря и тихонечко закатывал плетеный мяч в сетку.

Болельщики сходили с ума от восторга.

С весны он стал отличаться и в футболе, играя за вторую команду «Прогресс». Когда после матчей разгоряченные игроки вваливались в раздевалку, где готовилась к выходу на поле первая команда завода, кто-нибудь из «дублеров» каждый раз подзадоривал игроков основного состава:

— Бобер снова пять штук заколошматил!

За первую команду Всеволод поначалу играть не хотел, каприничал, хотя приглашали его упорно. Поговаривали, что он хочет забивать побольше. Возможно, так оно и было в действительности. Но когда Бобров по настоянию отца все же перешел в группу сильнейших, то без двух-трех голов тоже не уходил с футбольного поля.

Михаил Андреевич в это время работал начальником инструментального цеха, но по совместительству и, конечно, на общественных началах руководил спортклубом «Прогресс». Его знал весь спортивный Омск. Именно Михаил Андреевич привел в команду «Прогресс» отличного вратаря — Бориса Горелова.

В юности Борис защищал ворота клубной команды ОПИВ, прародительницы ЦДКА, и однажды в матче со «Спартаком» пропустил гол от Николая Старостина. Старостин «разгуливал» где-то справа и, казалось, особой активности не проявлял. Но, получив пас, вдруг резко пошел на ворота и ударил метров с восемнадцати. Удар был пушечный, мяч волчком закрутился в руках у вратаря, вырвался и влетел в сетку.

Именно этот удар Николая Старостина неизменно вспоминал Горелов, когда стал тренироваться с Бобровым. Всеволод любил «постучать» по воротам, и Борис уходил из них с опухшими пальцами: это был 1942 год, Бобров начинал входить в силу, его удары становились мощными. А еще год спустя, когда Всеволод играл уже за команду военного училища и был соперником Горелова, один из могучих ударов, нанесенных Бобровым с близкого расстояния, вместе с мячом ширококнул Бориса за линию ворот.

Но это произошло позже. А летом и осенью 1942 года Всеволод Бобров впервые начал блистать в «футбольном свете». Его включили в сборную города, которую по поручению обкома партии сформировал журналист Юрий Ваньят и в которую вошли такие известные ленинградские футболисты, как Денисов, Цвиллих, Зубарев, Забегалин, — тоже, кстати, из спортклуба «Прогресс». Сборную отправили в своеобразный агитпробег — турне по городам Сибири, Урала и Верхнего Поволжья, поставив перед футболистами задачу: собрать средства в фонд детских садов, эвакуированных в Омск из Сталинграда. О благородной цели поездки информировали афиши, и всюду — в Петропавловске, Челябинске, Казани, Свердловске, Тюмени — матчи собирали множество зрителей. Кроме того, эти спортивные гастроли стали как бы продолжением той важной миссии, какую в годы Великой Отечественной войны выполняли в тылу культура и искусство, вдохновлявшие людей на труд во имя Победы.

26 августа 1982

(Продолжение, Начало в номерах от 21, 22 и 24 августа)